Гу Эршунь был отброшен ударом ноги Гу Цзяо.

Хотя его статус в семье Гу был не таким высоким, как у Гу Дашуня, он всё равно вырос избалованным и изнеженным под влиянием Лю Ши. Он был избавлен от тяжелой работы на ферме, и только сидел дома и учился, как старший брат.

Только один Бог знал, действительно ли он учился или только делал вид, но то, что у него было нежное тело, было правдой.

После падения он долгое время лежал на животе, не шевелясь.

Что сегодня не так с этой маленькой идиоткой? Как она посмела пнуть меня ногой? У Гу Эршуня чесались руки ударить её в ответ, но он не хотел признаваться самому себе, что удар Гу Цзяо действительно сильно напугал его.

«Ты, ты... Подожди и увидишь!» - поднявшись, он прошипел угрозу и убежал, держась за живот.

Когда Гу Цзяо заперла дверь и повернулась, чтобы войти в главный зал, она заметила, что Сяо Люлань стоит и смотрит на неё пристальным взглядом.

Она задумалась на мгновение и спокойно проговорила: «Он сам упал».

Сяо Люлань: «...»

.....

Семья Гу ждала, что Гу Эршунь приведет Гу Цзяо, чтобы прочитать ей лекцию, но почему-то он вернулся один. Более того...он держался за живот, как будто его кто-то избил.

Лю Ши поспешила вперед и спросила: «Эршунь, что с тобой случилось? Где эта девушка?»

Последний в красках рассказал, что произошло перед домом Гу Цзяо: «...Я ласково уговаривал её прийти, чтобы прояснить ситуацию и извиниться перед старшим братом, но она не послушалась и даже ударила меня ногой. Но я не стал отвечать ей тем же, ведь она моя сестра...».

Услышав это, Лю Ши взорвалась: «Презренное отродье! Шлюха! Она посмела ударить своего родного брата!»

По сравнению с ней, Чжоу Ши была гораздо более спокойной. У неё хватило смелости

посягнуть на Дашуня, что уж говорить о простом Эршуне?

Тем не менее в её сердце закрались сомнения: в последнее время эта девушка вела себя немного необычно.

«Как она посмела!» Лю Ши была так зла тем фактом, что её дорогого сына избили. Она уперла руки в боки и ткнула Гу Сяошуня, стоящего рядом: «Иди! Проучи эту маленькую шлюшку! Отомсти за своего брата!»

«Я не пойду». Гу Сяошунь бросила на Гу Эршуня пустой взгляд: «Кто знает, что он ей сделал?»

Гу Эршунь уверенно ответил: «Я ничего не сделал! Я просто поговорил с ней! Я не ожидал, что она ударит меня! Она просто идиотка, сумасшедшая, психованная!"

«Ты кого проклинаешь?» - Гу Сяошунь встал, выплеснув ауру хулигана.

Гу Эршунь быстро спрятался за Лю Ши.

«Ты всё ещё защищаешь это ходячее недоразумение! Кто здесь твой настоящий брат?» - Лю Ши была в ярости, ей хотелось избить Гу Сяошуня, но в главном зале присутствовал старый господин Гу, и она не посмела бить его у него на глазах.

Она повернула голову и бросила на мужа многозначительный взгляд: «Скажи что-нибудь!»

Что должен был сказать Гу Чанлу? Когда эта девчонка несколько дней не приходила обедать в их дом, никто даже не вспомнил о ней. Он понимал, что если её привести сюда, то она будет наказана за свои проступки.

Ему очень не хотелось, чтобы её приводили.

Не только потому, что он всегда чувствовал вину перед Гу Цзяо, но и потому что был самым трусливым среди трех братьев. Если бы в то время, когда с Третьим братом произошел несчастный случай, он вовремя вытащил бы его, возможно, последний не умер бы.

Но наводнение было настолько бурным, а он был так напуган, что просто сбежал, оставив Третьего брата там.

Он не осмелился рассказать об этом никому, кроме старого господина Гу.

Из-за этого он всегда чувствовал себя немного виноватым перед Третьим домом.

«Чанхай». Старый господин Гу обратился к своему старшему сыну: «Пойди туда».

Гу Чанхай некоторое время колебался, а потом сказал: «Отец, девочка Цзяо умственно отсталая. Я думаю, что на этот раз мы должны оставить всё как есть, чтобы не поднимать шума и не давать повода деревенским сплетникам говорить, что мы суровы по отношению к плоти и крови Третьего брата».

Лю Ши сердито сказала: «Как мы можем просто так это оставить? Это потому, что не твой Дашунь пострадал, да? Разве ты не видишь, каково Эршуню после её удара?»

Гу Эршунь снова усиленно схватился за живот.

Это ходячее недоразумение действительно нанесла ему ощутимый удар. Даже сейчас он всё ещё испытывал боль.

Старый господин Гу со спокойным лицом взвешивал все за и против.

Гу Чанхай тихо добавил: «Отец, для репутации Дашуня будет плохо, если мы придадим этому делу большую огласку».

В конце концов, это Гу Эршунь получил удар, а не Гу Дашунь. Гу Цзяо лишь только оттолкнула его на публике, и он несколько потерял лицо. Однако он совершенно не пострадал и даже не опоздал экзамен. Не было никакой необходимости ставить под угрозу свою репутацию только лишь для того, чтобы выплеснуть обиду.

Гу Дашунь прекрасно понимал это. Молодые учёные больше всего дорожили своей репутацией. Иначе семья Гу не смогла бы заставить Сяо Люланя подчиниться их требованиям и жениться на Гу Цзяо. Последний не мог позволить себе запутаться в этом вопросе и совершить ошибку.

Гу Дашунь мягко сказал: «Забудь об этом, дедушка. Моя сестра глупа, и, споря с ней, мы со стороны будем выглядеть неразумными».

Лю Ши сердито подумала про себя: Почему ты не сказал этого раньше? Если тебя действительно не беспокоило это утреннее происшествие, то почему ты не остановил Эршуня от похода к ней.

Старый господин Гу был явно доволен словами старшего внука и сказал: «Ты разумный человек. Учись больше у своего старшего брата, не трать время в бесполезных спорах с этой маленькой идиоткой, этим ты понижаешь свой статус старшего брата».

Последние слова, конечно же, были обращены к Гу Эршуню.

«А ты не слоняйся без дела на улице, не создавай проблем и не подрывай репутацию своего старшего брата».

Гу Сяошунь тоже не избежал нотаций. Но он просто пропустил их мимо ушей, не приняв близко к сердцу.

.....

Гу Цзяо даже не догадывалась, что стала причиной таких беспорядков в семье Гу.

Сегодня в городе она заработала небольшое состояние и купила много вещей, но и потратив немало: её походная аптечка похудела на один флакон анестетика, два флакона коагулянта, на несколько нитей шовного материала, а также некоторого количества мази и бинтов.

Гу Цзяо отнесла соль, анис, фенхель и некоторые другие ингредиенты на кухню, вскипятила воду и, наконец, заполнила жаровню углями из печи.

Затем она отнесла её в комнату Сяо Люланя.

Ночью было еще очень холодно, так как приближался двенадцатый лунный месяц. Она сама могла лечь спать пораньше, но Сяо Люлань должен был читать при лампе, а его больная нога не могла подвергаться воздействию холода.

Как обычно, дверь в его комнату была приоткрыта. Гу Цзяо постучала в дверь и сказала: «Это я».

«Хм», - ответил Сяо Люлань.

Гу Цзяо открыла дверь и вошла.

Её муж сидел за столом и переписывал книгу, и только слабый огонёк масляной лампы, стоящей на столе, излучал тусклый свет.

Гу Цзяо поставила жаровню на пол, подошла и установила на масляной лампе самый яркий свет. Потом подумав немного, она принесла лампу из своей комнаты, сказав: «У твоей слишком тусклый свет, так можно повредить глаза».

Глаза Сяо Люланя дернулись. «Ты можешь забрать жаровню в свою комнату».

«Когда я усну, мне не будет холодно», - ответила Гу Цзяо, а затем сделала небольшую паузу, как будто о чем-то задумалась. Через мгновение она добавила: «Могу ли я остаться в твоей

комнате и погреться у огня перед сном?»

«...Хмм», - Сяо Люлань кивнул головой, сел прямо и продолжил переписывать книгу.

Гу Цзяо знала, что он зарабатывает деньги, переписывая книги для других. Может показаться, что таким образом не заработаешь много, однако за месяц он зарабатывал в общей сложности два таэля, хотя семья Гу забирала большую их часть, утверждая, что он платит им за еду первоначальной владелицы тела.

Последняя по простоте душевной не догадывалась, что Сяо Люлань платил за еду, которую она ела в семье Гу, и искренне считала, что семья Гу хорошо к ней относится.

По правде говоря, Сяо Люлань плохо относился к первоначальной владелице тела только из-за плохих отношений между ними, а не потому, что он был плохим человеком.

Гу Цзяо молчала, а потом вдруг выпалила: «Тебе больше не нужно отдавать семье Гу деньги, отныне я всегда буду есть дома».

Рука Сяо Люланя, державшая кисть, внезапно остановилась.

Гу Цзяо принесла не до конца просохший матрас и одежду, чтобы просушить их возле жаровни.

Её движения были настолько легкими, а дыхание настолько тихим, что если бы Сяо Люлань несколько раз не замечал её боковым зрением, то не почувствовал бы её присутствия в комнате.

Когда одежда полностью высохла, и Гу Цзяо уже собиралась уходить, она остановилась и вдруг спросила: «Кстати, а как зовут твоего одноклассника?»

«Фэн Линь», - ответил Сяо Люлань.

Сяо Люлань продолжал переписывать книгу до полуночи, а когда встал, то обнаружил, что Гу Цзяо также высушила и его одежду и аккуратно сложила её на стуле.

Он взял её, собираясь убрать в шкаф, когда увидел под ней новую пару обуви.

Перевод: Флоренс

<http://tl.rulate.ru/book/63867/1736277>